

Культура. - 1995. - 25 февр. - с. 9.

Бывает слаще

маленькая ролька

Много их нынче, Ильиных. Очень актерской стала эта фамилия. Имя Владимира Ильина, как будто, на слуху, ну а лицо соответственно — на виду. Кто-то знает и то, и другое, иной раз не совпадают оба эти знания, оттого, видимо, и звучит вопрос: «Который Ильин!». Я спросила у актера, узнают ли его на улице. Ответил, что нет, мол, не пристаю, не узнают, да и сама имела возможность в том убедиться, прокатившись с ним в метро, пройдя по самому центру Москвы, по Тверской. Внимания никто на нас не обращал. Погруженные в свои дела и заботы люди автографов не просили. Разве что иногда милиционер какой-нибудь остановит, увидев подозрительно знакомое лицо: не из тех ли, кто в розыске состоит. Узнав же, что дело имеет с киноартистом, отпускает с миром. Таковы плоды популярности.

Замечательная органика актерская, возможно, определяется органикой жизненной. Подлинный он человек, природный. Сегодня, когда все беспрерывно жалуются на трудности, Ильин говорит, что раз даю жить тебе сейчас, вот и живи, верь в лучшее, освещай собой пространство, которое выпало тебе заниматься.

Ильин снимается много. Умеет выйти достойно из любой кинопередыжки. Гаишник, актер, снабженец, алкаш, юродивый, лагерный комендант — таковы его экранные герои. Получил приз «Кинотавра» за картину «Менялы», «Нику» — за лучшую роль второго плана в фильме «Макаров». Ильин — человек сугубо российский: чувствующий, страдающий, скромный, не осознающий вполне того, что есть он сам. Таково уж свойство россиянина — не ощущать своей самооценки, впрочем, присущее оно лишь натурам талантливым.

— Отчего из театра ушли, Владимир Адольфович! Совсем неинтересно стало! (Это мы уже беседуем у Ильина дома).

— Пятнадцать лет проработал я в Театре им. Вл. Маяковского. Ушел на роль в картину Владимира Хотиненко, вдохнул свободного воздуха. Труппа — это ведь семья, и когда что-то не устраивает тебя в том, что в ней делается, то трудно жить вместе. Театр — дело интимное. Сидишь себе в труппе — это расхолаживает: зарплата идет, можно не работать. А так — мечешься, ищешь. Сейчас у меня есть перспектива поработать вновь в качестве театрального артиста. В привычный, традиционный театр я уже, наверное, не пойду. Обеспечивать себе старость надо как-то волчьим образом, в одиночку то ли.

— Полистала газеты, редко вы даете интервью.

— В секунду ведь ничего не скажешь. Вечер надо посидеть, два, поговорить с человеком, подумать, для того чтобы в итоге высказать именно ту мысль, которую хочется выразить. Может, через секунду я буду сомневаться в сказанном и в себе самом.

— Есть у вас то, что назы-

вают природной органикой актера. Что это такое, сформулировать сложно. Но коли есть она, так уж есть, за версту почувствуешь. В силу редкого этого дара ваше место — в первом ряду. Да только странность жизни в том, что приходится быть на втором плане.

— Ну это еще надо разобраться, что такое первый ряд и второй план. Бывает слаще маленькая ролька, которую можно быстрее и интереснее создать. И в театре я любил обсогать именно такую роль, больше успеваешь в ней сделать. Чем меньше собой заполняешь пространства, тем меньше греха берешь на душу. Бомбить своим текстом, своим мировоззрением зрителя! Вот моноспектакль, например, что это такое, когда человек набирается, в общем, наглости торчать на сцене в течение двух часов один. Я лично от этого устаю, даже если актер талантлив. Не понимаю такого «моно». Собою заполнять экран перед миллионом зрителей — это уж слишком думы о себе великие надо иметь. У меня таковых нет.

— Артисту должна быть присуща определенная доля

тщеславия. Ничего в том плохого нет, всего лишь свойство профессии этой особенной.

— Детство мое прошло в театре, где работал актером мой папа, в реквизите. Для меня нет разницы в том, артист ты или осветитель. Иной раз с монтировщиком декораций, а часто это люди с высшим образованием, побеседовать в сто раз интереснее, чем с некоторыми артистами, которые говорят лишь о себе. А что касается планов — первых, вторых, работа у меня, слава Богу, есть. Господь сподобил сняться у Никиты Сергеевича Михалкова, это для актера — счастье выше крыши, а для меня и есть первый ряд. Так что получается, что я в первом ряду.

— Существует большая классика, которую знают, и так называемая малая, иной раз не менее значительная, но в силу разных причин невостребованная. Так и в разговорах о первом и втором актерских рядах. Складываются они по различным обстоятельствам. Кто-то всегда на виду, а кто-то в тени.

— Нет, ну работай ты и работай, а «туда» лезть — дело опасное. Можно надоесть. Надо как-то аккуратненько воз-

никать. Часто актер и не виноват в том, что получается мелькание, не от его тщеславия это происходит.

— Из чего складывается жизнь артиста, помимо съемок?

— Мне всегда интересно смотреть в окно поезда, на людей в вагоне метро. Это такое кино. Ни секунды скучно не бывает. Жизнь моя прошла вся на людях, на работе особенно. Дома побыть одному — просто кайф. В одиночестве хорошо и где-нибудь на природе. Нынче мне повезло, у Хотиненко месяца два с лишним в деревне под Касимовом прожил. Чудные такие места. Снимали картину «Мусульманин». Поехал я туда отдохнуть, а на ходу роль придумали — сыграл Пастуха. В сценарии его не было. Вот и у Туманишвили снимались на каком-то полуострове под Дубной. На днях едем с Гогой Шенгелия в Провино подмосковное. Рабочее название картины — «Катаклизма». Герой видит свою спящую жену, которая храпит, смотрит на ее фотографию в молодости, сравнивает, приходит в ужас оттого, что творится на белом свете. Будит ее, говорит, что больше не любит. «Да спи,

ты...», — слышит в ответ. И идет мужик под поезд от всей этой жизни. Комедия, фарс, трагифарс?

Творческих встреч никаких у меня нет. Не люблю, не интересно. Что ж, я людям буду рассказывать, когда и что сделал, куда посмотрел? Мало бываю на фестивалях, хотя иногда хочется со своими собратьями пообщаться.

— Одновременно в нескольких картинах снимаетесь! Много предложений, наверное, у вас. Как выбираете!

— Люблю сниматься в одной, как вот сейчас поеду безвылазно на два месяца работать. Иногда пунктирно получается. Играю трактирщика в картине «Королева Марго», продюсером которой стал Сергей Жигунов. Предложения, слава Богу, есть. И стоящие. Пока так идет: У Хотиненко начал сниматься, так и пошло — «Рой», «Макаров», «Мусульманин». В промежутке работал дважды у Н. Михалкова в «Утомленных солнцем» и в картине о Чехове. Снимались в ней Вс. Ларионов, А. Леонтьев, моя любимая актриса И. Купченко. Это воспоминания о Чехове знавших его людей, мхатовских актеров. Помянули на кладбище, пошли в ресторан, где и сидят за долгими разговорами. У меня — роль критика, который встречает этих людей на кладбище, опаздывает, потом догоняет, напивается, нажирается, всякую ерунду говорит. Небольшая роль. Это был итальянский заказ, для телевидения, кажется. Михалков сделал версию для них, а сейчас, видимо, и российский вариант будет. В общем, я у одних и тех же людей снимаюсь. У Туманишвили трижды. У П. Тодоровского снялся в «Анкор». Опять же, слава Господу, таких людей мне дает. У Шенгелия в третьем фильме буду работать. Когда познакомишься, узнаешь друг друга — все гораздо быстрее происходит. Это не только работа, но и общение в жизни. Мы — единомышленники, что важно. Можно определить это словом «единодушие».

— Как вам кажется, в чем феномен «Макарова»!

— В Залотухе. Когда я прочел его сценарий, подумал, как это здорово. И, конечно, в режиссуре Хотиненко. И в теме. Появляется оружие у поэта, и он перестает быть поэтом. Появляется оно у тщеславного человека, и тот становится властелином. Имеешь его и вроде ты мужчина. Свободное появление оружия — отражение сегодняшнего дня. Люди как будто перестают быть людьми, вдруг все влюбляются в его пластику, в то, как оно сделано. Зрителям нравится узнаваемость, а здесь узнаваемо все. Что же касается художественной стороны, то не могу об этом судить объективно да и не пытался анализировать. Хотя странно, что мне за роль в этом фильме «Нику» дали.

— Бабочку купили! (Напомним, что на церемонии вручения «Ники» В. Ильин сказал, что не дорос внутренне до бабочки, за отсутствие оной и извинился перед аудиторией).

— Мне много звонили по этому поводу друзья. Сказали, что помогут, бабочка будет.

...Хорошо, что будет. Наверняка придется для будущей церемонии вручения наград. Как же иначе! Уж очень привлекательный он артист, Владимир Ильин.

Светлана ХОХРЯКОВА.

● Во время съемок фильма «Мусульманин». Владимир Ильин с женой Зоей.

Фото И. Гневашева.